

Серафим ВВЕДЕНСКИЙ

ПАСТОРАЛЬ

В том краю, где дорога лишается асфальта,
куда не прорывается Wi-Fi,
там с трамплина горизонта солнце делает сальто
и ныряет в недоразрушенный сарай.

Там располагается село Валентиновка, или Казанка,
или другое — у них тысяча имен.
Работа всегда начинается у жителей спозаранку
и длится, пока не почернеет небосклон.

В селе есть три продуктовых магазина,
один ритуальный салон.
Больницы или аптеки больше нет и в помине;
зато есть почта, на почте один почтальон.

По вечерам селяне ходят в гости друг к другу
и говорят о повышении цен
да еще на какие-то темы по сотовому кругу —
смеются, плачут, дерутся, мирятся, и так каждый день.

Эта жизнь становится похожа на картину,
но с каждым годом все меньше зажигается окон.
Сначала закроется почта,
затем три продуктовых магазина,
а самым последним — ритуальный салон.

САЖА

Возьмем чрезмерно белое полотно,
кисти, краску и сажу.
Нарисуем и немедля заглянем в окно,
чтоб увидеть следующих персонажей:

по свеженарисованному тротуару идет Зоя,
навьючена сумками и судьбой.
Она живет, Всевышнему глаза мозоля,
но, как можно заметить, — довольна собой.

Серафим Сергеевич Введенский родился в 1984 году в Уфе. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Публикации — в интернет-журналах «Сетевая словесность», «Кольцо А», в журнале «Москва». В 2016 году издал дебютную книгу «Текстовые сообщения».

На скамейке бабушка Рая и внучка Ада
что-то про чистилище говорят.
Над ними витает вечерняя прохлада.
Вдали красной строкой пробегает закат.

Нарисуем проходящего мимо человека,
что ищет по бумажке некий дом.
Май, задыхающийся в конвульсиях от снега,
женщину с пустым ведром.

В куртке деда Васю, по прозвищу Вышка,
что говорит: «Облака — свернувшееся молоко!»
И вслед назидательно ребятишкам:
«А глубокая старость —
когда жизнь заходит слишком далеко!»

Нарисуем статистов, деревья, птиц, мячик,
что катится и катится по дорожке кривой,
а затем замажем все сажей, к чертям собачьим,
словно бы и не было ничего.

ВОСЬМОЙ

Один задумывается об устройстве вселенной и своей душе,
другого волнует, как выглядит его инстаграм.
Третий говорит, что мы не подобие Бога, а жалкое клише,
четвертый говорит, что мы на данном шарике лишь спам.

Пятый убежден, что во всем виновата система и власть.
Шестой через индульгенцию переводит в офшор грехи.
Седьмой говорит «лôжить» вместо глагола «класть»!
Восьмой пишет об этом никому не нужные стихи.

Девятый ходит по обледенелому карнизу, точно акробат,
десятый изучает геометрию полета домашних птиц,
одиннадцатый точно знает, кто во всем виноват,
и поэтому пинает двенадцатого ногой меж ягодич.

Тринадцатый воин помнит чертову дюжину слов.
Четырнадцатый — слепой предводитель в обществе глухих.
Пятнадцатый ломает фундамент тысячелетних основ.
Шестнадцатый, как и восьмой, пишет ненужные стихи.
Каждый восьмой пишет никому не нужные стихи.

ПРОРОК

Старец сидит на вершине холма
и смотрит на город.
Говорит, что все проблемы от засоренности ума
и расплата неминуема. Что скоро

солнце перестанет светить
и луна растает.
Между землей и небом люди перережут нить
и слова обернутся лаем.

Что Всевышний отключит небесный блютуз
и больше не выйдет в онлайн.
Что жизнь погубит к одиннадцати туз
и бездумный лайк.

Что будущее превратится в нигде
и нам не увидеть весну.
Страхнув речь, старец сошел с холма и пошел по воде —
и вдруг — утонул.

ОТРАВА

Циклоп за циклопа, что око за око.
Прекрасное к нам подобралось далеко,
и как-то оно не прекрасно.
Мы пили цикорий, а нынче пьем мокко.
Ныряем в соцсети, питаемся током,
репостим, ретвитим Есенина с Блоком.
А лица на селфи несчастны.

Мы стали масштабны, подвижны, мобильны,
в онлайнe могучи, на деле — субтильны.
Купаемся в лайках, как в ванне.
Мы пьем год за годом из общей поильни,
нам чешут за ухом, нас кормят обильно
смирненной похлебкой со страхом могильным,
чтоб мы не вставали с дивана.

Для нас волатильность важнее погоды.
Ушла человечность, остались погоны
и толпы тотально причастных.
Нам кажется вечно — за нами погоня.
Мы, словно рабы, отвечаем: «Вас понял!»
Мы в этой конюшне бесправные пони,
в своей немоте громогласны.

Эпоха диктует зарыться в «Фейсбуке»,
но можно «ВКонтакте». Спасаясь от скуки,
мы жаждем дешевую славу.
Мы пьем монитор — оттого близоруки.
И взял бы Всевышний всех нас на поруки,
вздохнув облегченно, мы б скинули муки,
но мы уже съели отраву.

В ПРОВИНЦИИ У МОРЯ

Знаешь, мой друг, хорошо жить в слепой провинции у моря
и забыть без чувства стыда отчество у тираннозавра.
Рано поутру плавать в прохладной воде кролем,
после, греясь на берегу, смотреть, как начинается то самое завтра.

Рвать созревшую чурчелу прямо из рук растений кустарных,
слушать каждую ночь морские истории из патефона рапаны.
Можно даже писать стихи совершенно бездарно,
в данном месте у Бога на тебя совсем другие планы.

По вечерам пить домашнее вино, лежа в Архимедовой ванне
и не следить за новостями, за обновлениями в апсторе.
Прибрежные провинциальные города похожи на рай обетованный,
потому что здесь только и разговоров, что о море.